

Л. Вардомский

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

DOI: 10.20542/2073-4786-2019-3-9-26

В России идея Большой Евразии или Большого евразийского партнерства (БЕАП) обсуждается с 2016 г. Вместе с тем, еще в 1996 г. начал работать Форум Азия–Европа (ASEM), в котором участвует 51 страна Европы и Азии, среди которых Россия и Казахстан. Год спустя, в 1997 г. был учрежден Фонд Европа–Азия (ASEF), призванный содействовать сотрудничеству государств континента.

Одним из проявлений стремления стран Евразии к сотрудничеству стало образование и расширение ШОС. Однако наиболее акцентировано формирование Большой Евразии связано с китайским мегапроектом «Новый шелковый путь» или «Один пояс – один путь», в котором готовы участвовать более 80 государств, в том числе – РФ и другие страны ЕАЭС и СНГ. Этот глобальный проект включает множество частных проектов, реализуемых заинтересованными странами при финансовой поддержке банков и фондов КНР.

В сентябре 2018 г. была принята общая концепция Евросоюза в отношении развития сотрудничества в Евразии – «Связывая Европу и Азию». ЕС планирует взаимодействовать со своими восточными соседями и азиатскими партнерами по трем основным направлениям – через развитие приоритетных транспортных коридоров, цифровых сетей и энергетическое сотрудничество; путем установления партнерских отношений на основе общепринятых правил и стандартов, обеспечивающих лучшее управление потоками товаров, людей, капитала и услуг, а также посредством устранения инвестиционных ограничений [1].

В России сотрудничество в рамках Большой Евразии понимается как экономическое партнерство, регуляторную базу которого еще предстоит создать. Вполне возможно, что в качестве ядра будет выступать ЕАЭС, к которому через формат Зон свободной торговли различных модификаций будут подключаться заинтересованные страны. Первые такие проекты с Вьетнамом и Ираном уже реализованы.

В целом же понятие «Большой Евразии» предполагает формирование некоего ареала трансрегионального сотрудничества на евразийском материке. В максимальном варианте это – Евразия плюс примыкающие к ней страны

Северной Африки [2], в ограниченном варианте – это территории ЕАЭС, ШОС, АСЕАН. Реальная территория, вовлеченная в БЕАП, и наполнение его конкретными проектами будут зависеть от воли и интересов стран-участниц и создания для этого соответствующих международных институтов.

Россия и ее партнеры по ЕАЭС занимают в пространстве Большой Евразии положение близкое к центральному, что означает прохождение через них самых коротких сухопутных путей, связывающих страны этой части света. По арктическим морям, омывающим Россию, проходит наиболее короткий путь между странами Северо-Восточной Азии и Североморской и Балтийской Европы.

Реализация любой модели БЕАП предполагает успешное развитие ЕАЭС – модернизацию экономики стран-участниц и реализацию национальных интересов в сфере экономического развития. В «Основных направлениях экономического развития ЕАЭС до 2030 г.», утвержденных в октябре 2015 г., подчеркивается, что цель экономического развития Союза – «обеспечить качество и устойчивость экономического роста государств-членов в результате интеграции» [3, с. 4]. Другой стимул евразийской интеграции – стремление стран-участниц повысить свою конкурентоспособность и устойчивость к внешним шокам. Реализация этих целей позволит ЕАЭС выступать в качестве одного из центров БЕАП.

О некоторых особенностях динамики евразийской интеграции в 2009–2018 гг.

Евразийская интеграция представляет собой один из вариантов развития группы внутриматериковых стран, удаленных от главных международных рынков. В основе модели евразийской интеграции лежал опыт ЕС, однако в ходе ее институционального построения она существенно отошла от этого прототипа. В ней преобладает национальный уровень управления, нет обязательной унификации национальных институтов госуправления. Она предполагает большое число изъятий из таможенных установлений и сохранение нетарифных ограничений во взаимной торговле, предусматривает также членство в ВТО стран ЕАЭС на разных условиях. Действующая модель интеграции, по существу, обеспечивает некий баланс между объективной необходимостью интеграции и объективными ограничениями для нее.

Становление евразийского интеграционного проекта происходит в неблагоприятных внешних условиях. Раскол постсоветского пространства, геополитический конфликт России и Запада, неустойчивость глобальной экономики, волатильность цен на углеводороды – все это затрудняет

взаимопонимание между партнерами, ограничивает интеграционные инициативы, тормозит принятие решений.

Растущие риски от возрастающей неопределенности развития мировой экономики испытывают прежде всего страны с формирующимся рынком, к которым относятся государства ЕАЭС. Они проявляются в противоречиях между странами по традиционной для интегрирующихся стран проблеме – кто выигрывает от интеграции, а кто проиграл. Конкретно же экономические противоречия стран-участниц связаны с разными формами поддержки странами своих производителей, несовпадающими интересами в вопросах защиты общего рынка, разными уровнями налогов и сборов, разным пониманием сути общего рынка и принципов ценообразования на нем, несогласованной валютно-курсовой политикой.

Деятельность ЕЭК по реализации евразийского интеграционного проекта в рассматриваемый период концентрировалась на устранении барьеров во взаимной торговле путем принятия Таможенного кодекса ЕАЭС,¹ устранении тарифных и нетарифных барьеров, переходе к единым техническим регламентам, расширении сферы использования во взаимных расчетах национальных валют [4, с. 19]. Институциональная связанность стран, однако, не сопровождалась ростом реальной взаимосвязи национальных экономик. Бурный рост взаимной торговли сразу после установления режима Таможенного союза с 50,1 млрд. долл. в 2010 г. до 66,5 млрд. долл. в 2011 г. в 2012 г. замедлился, а затем до 2016 г. сменился ее снижением² (табл. 1). В 2017 г. объем взаимной торговли начал расти и в 2018 г. достиг почти 60 млрд. долл.³

¹ Первая редакция ТС вступила в силу 1 января 2010 г., а новая версия – 1 января 2018 г.

² Речь идет о суммарном объеме взаимного экспорта пяти стран ЕАЭС.

³ Оценивая эту динамику, следует учитывать, что на стоимостной объем взаимной торговли ЕАЭС в текущих долларах сильное влияние оказывает динамика внешнеторговых цен и курсов национальных валют.

Таблица 1.

Динамика торговой связанности стран ЕАЭС
в абсолютном и относительном выражении

Год ы	Объем взаимной торговли, млрд долл. (5 стран)	Общий номинальн ый ВВП ЕАЭС/ТС, млрд долл.	Отношение взаимной торговли к общему номиналь- ному ВВП, %	Общий ВВП ППС ЕАЭС/ТС млрд долл.	Отношение взаимной торговли к общему ВВП по ППС, %
2009	39,0	1402,7	2,78	3241	1,20
2010	50,1	1744,4	2,87	3434	1,46
2011	66,5	2323,7	2,86	4026	1,65
2012	72,2	2484,5	2,91	4274	1,69
2013	69,2	2628,2	2,63	4385	1,58
2014	61,2	2404,9	2,54	4422	1,38
2015	45,6	1631,6	2,79	4281	1,07
2016	43,0	1489,8	2,89	4310	1,00
2017	54,7	1814,3	3,01	4524	1,21
2018	59,7	1914,0	3,12	-	-

Источники: Составлено и рассчитано по [5, 6]

Отсутствие тенденции роста торгово-экономической связанности стран ЕАЭС отражают и относительные показатели, приведенные в табл. 1, динамика которых в основном повторяет динамику взаимной торговли.⁴ Это свидетельствует о том, что субъекты общего рынка ЕАЭС пока не могут в полной мере использовать преимущества свободной межгосударственной торговли.

Данные западных исследований свидетельствуют о том, что самоподдерживаемый рост внутрирегиональной торговли начинается с порога в 25% [8, с. 9]. В ЕАЭС ее доля как отношение взаимного экспорта к общему объему экспорта 5 стран продемонстрировала рост с 10,5% в 2009 г.

⁴ Для сравнения: относительные показатели торгово-экономической связанности стран ЕС многократно превышают показатели ЕАЭС. В 2017 г. внутренний экспорт ЕС относительно общего ВВП по ППС составил 17,89%, а относительно ВВП в текущих ценах – 19,77%. Рассчитано по данным ВТО [7, р. 74].

до 11,4% в 2012 г. и 14,1% в 2017 г. В 2018 г. этот тренд прервался, что нашло отражение в снижении данного показателя до 12,2%.

Доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли государств ЕАЭС увеличивалась в 2014–2016 гг. на фоне более сильного спада последней, однако она была значительно ниже упомянутого количественного критерия, тогда как у ЕС и НАФТА доля внутрирегиональной торговли существенно превышает данный показатель, составив в 2017 г. соответственно 64% и 50% [7].

Для ЕАЭС с небольшим числом внутриконтинентальных стран с низкой «экономической плотностью» и заселенностью, разделенных большими расстояниями при слабо развитой транспортной инфраструктуре, с громадными различиями по масштабам экономики и емкости национальных рынков 25-процентный критерий в обозримом будущем недостижим. Но если долю региональной торговли соотнести с числом стран – участниц интеграционного объединения, то этот показатель у ЕАЭС (2,9%) будет выше, чем у ЕС (2,3%), но ниже, чем у МЕРКОСУР (3,2%) на каждую страну-участницу.

Доля внутрирегиональной торговли во внешней торговле у Армении, Беларуси и Киргизии превышает 25%, а у Казахстана приближается к этому показателю. Отметим, что у всех стран, за исключением Киргизии, в период 2015–2017 гг. доля взаимной торговли увеличивалась, но в 2018 г. этот показатель снизился (табл. 2). У России он заметно ниже и в рассматриваемый период не превышал 9%, при том, что на РФ приходится 62–63% объема взаимной торговли. В 2018 г. доля торговли со странами ЕАЭС во внешнеторговом обороте РФ снизилась до 8,1%.

Таблица 2.

Изменение доли взаимной торговли стран ЕАЭС
в 2009–2018 гг.

Годы	Доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли стран ЕАЭС, %				
	Армения	Беларусь	РК	Киргизия	Россия
2009	18,7	47,9	19,0	34,0	8,1
2010	22,1	48,5	23,2	29,1	7,4
2011	21,5	46,4	18,2	39,4	7,5
2012	24,6	48,4	18,0	32,7	8,0
2013	27,4	50,7	18,4	40,6	7,5

2014	24,6	50,3	16,5	41,2	7,2
2015	26,3	49,5	20,8	44,3	8,1
2016	29,0	52,3	22,2	37,2	8,8
2017	29,6	52,5	22,8	38,4	9,0
2018	28,3	50,9	20,4	35,1	8,1

Источники: рассчитано по [6]

В целом же, в ЕАЭС отмечается следующая закономерность: на фоне спада экономического роста и внешнеторговой активности доля взаимной торговли увеличивается, а на фоне роста сокращается.

Торгово-экономическая связанность экономик стран ЕАЭС многократно слабее, чем у ЕС. В расчете на душу населения объем взаимной торговли стран ЕАЭС в 2017 г. составил около 300 долл., что было больше, чем в МЕРКОСУР – 183 долл. на человека, но меньше, чем на одного жителя АСЕАН – 480 долл. на человека. Однако все они существенно уступают ЕС, где на одного жителя Союза приходится почти 7400 долл.⁵ Последнее объясняется исторической включенностью стран Европы в международные экономические связи и бурным развитием транснациональными компаниями на пространстве ЕС трансграничных цепочек добавленной стоимости в рамках внутрифирменной кооперации и аутсорсинга, многократно пересекающих границы стран-участниц.

Сравнительно небольшие объемы взаимной торговли ЕАЭС обусловлены примитивизацией производства в странах-участницах после распада СССР и рыночной трансформацией, что вызвало сжатие материальной базы взаимной торговли [9]. Рост взаимных торговых потоков сдерживало также вступление России (2012 г.) и Казахстана (2015 г.) в ВТО на условиях, существенно снижавших изначально установленный внешний таможенный тариф, что повысило привлекательность на общем рынке ЕАЭС товаров, импортируемых из третьих стран. Взаимную торговлю в рамках ЕАЭС ограничивают и национальные административные (нетарифные) ограничения.⁶

Немалые ограничения в развитие интеграционного процесса вносят структурные особенности экономик стран-участниц. Среди факторов, сдерживающих интеграцию, следует также выделить существенное преобладание в ЕАЭС российского рынка и российской экономики. На Россию приходится более 85% общего ВВП Союза в номинальном

⁵ Рассчитано по данным ВТО [7].

⁶ На конец марта 2019 г. выявлено 71 препятствие на пути взаимной торговли, в т.ч. 17 прямо нарушающих нормы Союза [10].

выражении. Такие различия в размерах экономики неизбежно заставляют страны с небольшими экономиками стремиться к сохранению экономического суверенитета. Большие проблемы для стран-участниц создает «постсоветский синдром» – боязнь разрушительных для национальной экономики последствий взаимозависимости, с которыми они столкнулись в результате распада СССР.

Страны-участницы существенно различаются по макроэкономическим параметрам развития, что обуславливает различия интересов и ожиданий от интеграции. Важным фактором является несовпадение задач национального развития. Россия пытается укрепиться в статусе великой мировой державы, а ее партнеры стремятся сохранить суверенитет и обеспечить устойчивое развитие. Страны ЕАЭС сильно различаются по уровню рыночной трансформации экономики, по степени вмешательства государства в экономику, ее монополизации и свободы предпринимательства. В итоге, модель ЕАЭС несет в себе как элементы рационального экономического поведения, так и несовпадения ценностных ориентиров стран-участниц.

Это отражается в стремлении стран использовать в полной мере выгодные для себя регламенты ЕАЭС и максимально возможно уклониться от исполнения невыгодных для них интеграционных правил. Иными словами, национальные интересы преобладают над интеграционными. Эти обстоятельства, как правило, не учитываются при оценке эффектов евразийской интеграции. Неудачи и трудности, как правило, объясняют политикой России [11]. При этом не учитывается, что функционирование ЕАЭС – результат коллективных действий.

Тем не менее в рамках Союза созданы и постоянного совершенствуются институты сотрудничества, отражая интересы стран-участниц [12, с. 61-101, 133-141]. Однако для того чтобы формирование общего торгово-таможенного пространства обеспечило долгосрочный экономический эффект через увеличение масштабов производства и его оптимизацию, необходимо наращивание взаимных инвестиций в рамках совместных проектов, способствующих повышению уровня комплементарности экономик стран-партнеров. Это позволит расширить межгосударственную кооперацию и на этой основе устойчиво повышать взаимосвязанность национальных экономик. Однако взаимные инвестиции незначительны, и их объемы подвержены большим конъюнктурным колебаниям. За 2014–2017 гг. объем взаимных прямых инвестиций стран ЕАЭС колебался в пределах 2,1 млрд долл. (2015 г.) и 1,1 млрд долл. (2017 г.), а их доля в общем объеме ПИИ в Союзе составляет между 13% и 3% [13, с. 6-7]. При этом около 80% взаимных прямых инвестиций приходится на российские компании.

Взаимные инвестиции сдерживаются рядом факторов – свободой взаимной торговли, отсутствием значительных преимуществ относительно друг друга по привлекательности для союзных инвесторов факторов производства, большими транспортно-логистическими издержками, ограниченной рыночной емкостью большинства стран ЕАЭС, валютными и политическими рисками, ограниченностью предложения со стороны национальных компаний привлекательных технологий.

Деятельность ЕАЭС пока не приводит к динамичному увеличению субъектов интеграционных процессов, дополнению вертикального построения интеграционного процесса горизонтальными каналами взаимодействия субъектов интегрирующегося рынка (компаний, территориальных администраций, некоммерческих организаций и т. д.), разработке и реализации крупных многосторонних проектов. Приоритет отдается национальным программам развития, которые зачастую реализуются с привлечением финансовых ресурсов и технологий третьих стран.

Это подтверждает, что интеграционный фактор в национальных программных документах (государственных, региональных, отраслевых) учитывается лишь в ограниченной степени. В частности, в Стратегии научно-технологического развития РФ от 1 декабря 2016 г. в разделе «Сотрудничество и интеграция» речь идет о сотрудничестве с иностранными государствами в целом, а сотрудничество и интеграция с партнерами по ЕАЭС даже не упоминаются. В разрабатываемой Стратегии пространственного развития РФ евразийская интеграция также не рассматривается как значимый фактор развития российских регионов. Среди стран ЕАЭС более широко интеграционный фактор учитывается в программных документах лишь у Беларуси. Так, в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития РБ на период до 2030 г. неоднократно отмечается необходимость сотрудничества со странами ЕАЭС в реализации приоритетных направлений инновационного развития [14].

Несогласованность экономической политики государств Союза отражается в импортозамещении, ставшем одним из главных направлений в промышленной политике России и других стран. Преодоление технологической отсталости национальной экономики и выход на траекторию ее стабильного роста невозможны без поддержки развивающихся отраслей мерами протекционистской политики, ограничениями или запретами импорта продукции, составляющей конкуренцию местным товарам. Политика импортозамещения в РФ рассматривается в качестве существенного фактора развития экономики [15]. При этом на нее возложена и задача технологического переоснащения

отраслей, что должно привести к росту добавленной стоимости и диверсифицировать экспорт.

Экспорт продукции с более высокой добавленной стоимостью ориентирован в основном на рынки стран ЕАЭС и СНГ. Во многом благодаря такой политике положительное сальдо РФ в торговле с партнерами по ЕАЭС выросло за 2015–2017 гг. с 14,6 млрд долл. до 16,2 млрд долл. В 2018 г. сальдо достигло 19,3 млрд долл. При этом в некоторых случаях производители стран ЕАЭС страдают от российской политики импортозамещения. В конечном итоге несогласованность в национальном развитии приводит не только к диспропорциям во взаимной торговле РФ и ее партнеров, но и к перепроизводству отдельных видов продукции на формирующемся общем рынке со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.⁷

Таким образом, при активном формировании институтов евразийской интеграции структурно-технологические изменения в производственном секторе экономики стран-участниц происходят несогласованно, что препятствует расширению их связанности посредством устойчивого наращивания производственной кооперации. Страны пока не готовы ограничить свой суверенитет в сфере управления национальной экономикой и реализации избранных приоритетов развития. В связи с этим временной лаг между учреждением интеграционных институтов и формированием интегрированной экономики может быть довольно значительным.

Ограниченную динамику торгово-экономической связанности в евразийской интеграции в определенной мере компенсирует относительно высокий уровень социальной связанности. Безвизовый режим, масштабная трудовая миграция, значительные национальные диаспоры, роль русского языка как языка межнационального общения, широкие социокультурные связи, а также установленные в рамках ЕАЭС взаимные преференции (признание документов об образовании, правила приобретения или аренды недвижимости, право на медицинскую помощь, ведение трудовой деятельности на основе заключения договора с работодателем и т. д.) формируют общее социальное пространство ЕАЭС.

Согласно Договору о ЕАЭС, работники государств-членов имеют право на трудоустройство в любой стране ЕАЭС и на получение базовых социальных гарантий для себя и членов семьи [12]. Трудовая деятельность

⁷ В частности, созданные в РФ мощности по производству труб большого диаметра в настоящее время в три раза превосходят внутренний спрос на них [16, с. 7]. Тем не менее в Казахстане с помощью КНР строится крупный завод по производству труб большого диаметра, который ориентируется также на сбыт своей продукции в странах ЕАЭС [17, с. 23].

граждан Армении и Киргизии в РФ и Казахстане составляет важную статью доходов их домохозяйств. Приток заработанных в других странах денег повышает благосостояние населения, способствует сокращению бедности и социальных различий. В общем объеме инвестиций в Армению в 2017 г. около 24% приходилось на средства населения; у Киргизии этот показатель равнялся 26%, у Беларуси – 12%, Казахстана – 6% [18, с. 242, 284, 325, 365]. Для стран-реципиентов трудовые ресурсы из партнерских стран позволяют ликвидировать дефицит по некоторым специальностям, формировать конкуренцию на рынке труда, получать дополнительный прирост ВВП.

Сценарии развития ЕАЭС

Возможные сценарии развития евразийской интеграции были разработаны в ЕЭК в год запуска интеграционного проекта, что свидетельствует о понимании государствами-участниками сложности интеграционных задач. В «Основных направлениях экономического развития ЕАЭС до 2030 г.» выделено три возможных сценария развития Союза: «Инерционный» («Продленный статус-кво»), «Фрагментарный» («Транзитно-сырьевой мост») и «Максимальный» («Собственный центр силы») [3, с. 48-50]. Эти сценарии отражают разные подходы стран-участниц к интеграционным задачам и путям их достижения с учетом того, что решения принимаются на основе консенсуса этих стран.

При реализации сценария «Инерционный» интеграция осуществляется на действующей экономической и институциональной основе, при том что развитие национальных экономик происходит в соответствии с избранными странами приоритетами. Осуществление интеграционных мероприятий, записанных в Соглашении о ЕАЭС, исполняется с задержками. Торговая связанность стран невелика, взаимные инвестиционные потоки незначительны, но функционирует общий рынок труда.

При реализации сценария «Фрагментарный» интеграция строится на углублении сотрудничества в сфере транспорта и инфраструктуры, а также сотрудничества в сырьевом секторе с целью наращивания экспорта транспортных услуг и сырьевых товаров в третьи страны, при углублении сотрудничества в социальной сфере. При таком сценарии внутренняя связанность растет благодаря совместному или согласованному удовлетворению спроса третьих стран на товары и услуги, производимые в ЕАЭС.

При реализации сценария «Максимальный» осуществляется более глубокая координация действий стран по ключевым направлениям,

определяющим конкурентоспособность их экономик, растут взаимные инвестиции, множатся трансграничные цепочки добавленной стоимости. Такой сценарий предполагает создание механизмов быстрого разрешения возникающих противоречий и на этой основе – глубокую экономическую и социальную связанность входящих в Союз стран. Он допускает расширение полномочий ЕЭК в плане координации экономического развития. Важное условие перехода к этому сценарию – устранение экономических противоречий между странами, устойчивое макроэкономическое положение, постепенное сокращение различий по уровню развития между входящими в Союз государствами, динамичное формирование общего рынка товаров и услуг.

Среди названных трех сценариев наиболее жизнеспособным оказался «фрагментарный», но с элементами «инерционного». В 2018 г. появился еще один сценарный документ, разработанный Всероссийской академией внешней торговли. В нем учитываются новые идеи по развитию евразийской интеграции, возникшие после 2015 г. В проекте ВАВТ выделяются четыре сценария: «стагнационный», «базовый», «интеграционного рывка» и «интеграционного партнерства» [19, с. 398-416].

Отличительными особенностями «стагнационного сценария» являются отсутствие положительной динамики в торгово-экономической связанности, ухудшение бюджетно-финансового положения стран (рост внешней задолженности, неустойчивость валютного курса, хронический бюджетный дефицит), усиление различий между странами по уровню доходов населения, обострение взаимных претензий и противоречий.

«Базовый сценарий» соответствует положению, которое наблюдается в данный момент в ЕАЭС, – недостаток экономической связанности компенсируется довольно высоким уровнем социальной и ростом инфраструктурной связанности. Следует отметить, что у Армении, Беларуси, Казахстана и Киргизии за 2010–2018 гг. заметно выросла валовая внешняя задолженность, но при этом несколько сократились различия между максимальным и минимальным уровнями номинальной ежемесячной зарплаты – в 2009 г. разница между РФ и Киргизией составляла 4,1 раза, а в 2018 г. – 2,9 раза [20].

«Сценарий интеграционного рывка» предполагает радикальное углубление интеграционных процессов в ЕАЭС. Это примерно то, что предполагает «максимальный» сценарий ЕЭК, однако для этого недостаточно формирования интеграционных институтов. Необходимо ускоренное развитие взаимных инвестиций и трансфера технологий, широкое использование проектных инструментов интеграции, согласованное и одностороннее проведение в странах институциональных реформ.

В случае, если модернизация национальных экономик будет по-прежнему происходить в основном за счет инвестиций и технологий из третьих стран, ни создание единой системы технических регламентов, ни дальнейшее повышение доли национальных валют в обслуживании взаимной торговли не сможет ускорить рост взаимного товарооборота. Эти меры могут дать эффект только при усилении координации макроэкономической политики, расширении проектных функций ЕЭК, а также, как справедливо указывается в проекте ВАВТ, при значительном расширении бюджетных ресурсов ЕАЭС. Но возникает вопрос: насколько готовы к этому страны-участницы?

«Сценарий интеграционного партнерства» предполагает реализацию принципа свободы торговли и инвестиций в отношениях как между странами ЕАЭС, так и между ЕАЭС и третьими странами. Следует отметить, что во внешней торговле ЕАЭС с третьими странами более 90% приходится на государства Евразии. Актуализации этого сценария, с одной стороны, способствовало обретение опыта в ходе разработки и реализации Соглашений о ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом, а затем – с Ираном, и о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем, а с другой – пробуксовка развития интеграции «вглубь» или перехода к сценарию «Максимальный».

В настоящее время ЕАЭС ведет переговоры по заключению соглашений о свободной торговле с Египтом, Сингапуром, Сербией и Израилем. В этом сценарии важное место призваны занять такие страны СНГ, как Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан. В дальнейшем возможны подобные соглашения с другими странами Восточной и Юго-Восточной Азии (включая Южную Корею), а также, в случае изменения геополитической ситуации, возобновление переговоров о создании ЗСТ между ЕАЭС и ЕС.

Сегодняшнее положение дел в ЕАЭС соответствует базовому сценарию с элементами интеграционного партнерства.

Корректировка курса евразийской интеграции

В «Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС» от 6 декабря 2018 г. ставится задача превращения ЕАЭС в один из наиболее значимых центров современного мира и одновременно – расширения взаимовыгодного сотрудничества с третьими странами в рамках идеи «Большого Евразийского партнерства». Иными словами, в этом документе процессы углубления интеграционного процесса в рамках ЕАЭС и его включения в трансрегиональные проекты рассматриваются в определенном единстве. В то же время в Декларации вполне отчетливо делается акцент на углубление евразийского интеграционного процесса

путем повышения эффективности единого рынка ЕАЭС, ускоренного внедрения цифровых технологий, систем управления и финансирования совместных кооперационных проектов, ориентации интеграции на повышение качества жизни населения [21].

Декларация подготовлена на основе Доклада ЕЭК о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза, в котором используется не сценарный, а программный подход [22]. В Докладе фактически обосновывается необходимость реализации сценариев «Максимального» или «Интеграционного рывка», поскольку прошедшие 5 лет с момента запуска проекта евразийской интеграции оказались не вполне удачными с точки зрения «темпов евразийской интеграции» [22, с. 80].

В Докладе указывается на необходимость корректировки плана реализации целей интеграции, записанных в Соглашении о создании ЕАЭС, и ускорения интеграции в связи с наметившимся сокращением спроса на мировых рынках, усилением протекционизма, кризисом системы многосторонней торговли. Упор на ускорение хода интеграции является отражением понимания того, что реализация идеи превращения ЕАЭС в центр трансрегионального проекта – «всеобъемлющего континентального партнерства» [22, с. 80] – зависит от динамики евразийского интеграционного процесса и его более тесной увязки с развитием Союза «вширь».

Пятилетний опыт интеграции свидетельствует о том, что наиболее динамично она осуществляется в тех сегментах экономики, где наблюдается наибольшее совпадение интересов стран-участниц, а также их интересов и интересов третьих стран. К таким сегментам, в частности, относится создание инфраструктурных сетей, которые обеспечивают трансграничное движение товаров, людей, капиталов, информации.

Договором о ЕАЭС предусмотрено осуществление скоординированной (согласованной) транспортной политики, направленной на последовательное и поэтапное формирование единого транспортного пространства (ЕТП) на принципах конкуренции, открытости, безопасности, надежности, доступности и экологичности. Оно является частью единого экономического пространства, посредством которого осуществляется свободное трансграничное движение товаров, услуг, капиталов и людей.

Формирование ЕТП осуществляется посредством поэтапного создания к 2025 г. общего рынка транспортных услуг (ОРТУ). Этот рынок позволит удешевить и ускорить взаимные перевозки, обеспечить гарантированный и равный доступ к услугам национального транспорта всех стран-участниц при перевозках внутри Союза и между государствами Союза и третьими странами. Одна из главных задач ЕТП и ОРТУ –

превратить транзит из барьера в фактор, содействующий развитию стран-участниц.

По мере движения в направлении создания ОРТУ, ЕАЭС будет превращаться в единое транзитное пространство с единым транзитным тарифом для отдельных видов транспорта. Это касается не только перевозок между странами ЕАЭС, но и транзита, обеспечивающего перевозки между ними и третьими странами, а также между третьими странами.

В последней составляющей евразийского транзита быстро растут контейнерные перевозки между ЕС и Китаем. Скоростной контейнерный транспорт создает предпосылки для развития Западного Китая и преодоления его внутриконтинентальности, поскольку многие части Синьцзян-Уйгурского автономного района находятся на большой удаленности от океанов. На значительном расстоянии от моря расположены и многие крупные промышленные города центральной части страны. В воссоздании Шелкового пути просматривается стремление КНР максимально расширить варианты сообщения с мировыми рынками для обеспечения геополитической устойчивости своей экономики и улучшить условия развития городов и регионов, удаленных от моря [23].

Центральную роль в организации движения регулярных контейнерных поездов играет совместная компания железных дорог Беларуси, Казахстана и России «ОТЛК ЕРА», которая, начав свою деятельность в 2014 г., в 2018 г. перевезла более 280 тыс. контейнеров ДФЭ⁸ (в 2015 г. – 100 тыс.), организуя движение более 2500 контейнерных поездов между 52 городами Европы и Китая [24]. В 2018 г. на компанию приходилось 2/3 всех контейнерных перевозок между ЕС и КНР. В 2025 г. их объем может достигнуть 1 млн. ДФЭ.

В настоящее время в ведущий фактор инфраструктурной связанности постсоветского пространства превращается «цифровая кооперация». Речь идет о формировании общих цифровых платформ для торговли, промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий, обеспечения трудоустройства и занятости граждан государств – членов ЕАЭС, транспортных коридоров ЕАЭС, отслеживания движения товаров от производителя до конечного потребителя, для малого и среднего бизнеса, а также о создании общих интернет-ресурсов в сфере образования, культуры и туризма [25].

Цифровая кооперация позволяет наращивать горизонтальные взаимодействия и вовлекать в интеграционный процесс все больше юридических и физических лиц. Широкое внедрение информационно-

⁸ В двадцатифутовом эквиваленте.

коммуникационных технологий способствует динамичному росту экспорта услуг. Цифровизация имеет значительный потенциал усиления экономической и социальной связанности евразийского пространства, но лишь при условии наличия единой стратегии и совместных проектов. В противном случае, при автономной цифровой политике для формирования общих рынков будут возникать дополнительные барьеры [26].

Из доклада ЕЭК следует, что развитие евразийской интеграции «вширь» следует рассматривать в качестве инструмента гибкого использования механизмов регионализации и трансрегионализации для целей национального развития, усиления экономической связанности стран ЕАЭС и наращивания ими экспортного потенциала несырьевых товаров. Для этой цели необходим глубокий анализ взаимодополнения ЕАЭС и других интеграционных объединений. Одна из немногих работ на эту тему связана с рассмотрением потенциала сотрудничества ЕАЭС и АСЕАН и оценкой их комплиментарности [27].

Вместе с тем необходимо учитывать и те риски, которыми чревато активное включение в евразийские партнерства. Установление режима свободной торговли с широким кругом стран Евразии так или иначе будет обострять конкуренцию на рынке ЕАЭС. Товары и инвестиции из третьих стран будут теснить производителей стран Союза на собственном рынке и, тем самым, ограничивать рост его экономической связанности, а в предельном варианте – ее ослаблять. (В частности, инвестиции Вьетнама в сферу молочного производства в РФ могут ограничить долю Беларуси на этом рынке).

Намеченное ускорение и углубление евразийского интеграционного процесса будет происходить в условиях наращивания Китаем усилий по реализации мегапроекта «Один пояс – один путь». КНР рассматривает пространство ЕАЭС как важную часть этого проекта и предполагает расширить экономические связи с новыми независимыми государствами с целью усиления глобальных позиций своей экономики, ускорить развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района. При этом Китай по финансовым и политическим причинам отказался от изначального формата «64+1» и реализует новый подход к своему мегапроекту на основе концепции «страны-участницы в совместном развитии Шелкового пути» [28].

Вхождение России и других стран постсоветского пространства с согласованными с Китаем проектами в «Экономический пояс Шелкового пути», безусловно, повышает значимость геоэкономического положения ЕАЭС между ЕС и КНР, а также странами Восточной Азии. Экономические интересы Китая могут способствовать расширению сотрудничества не только стран ЕАЭС, но и всех постсоветских государств в сфере транспорта и энергетики. Учитывая интерес Китая в надежном снабжении своей

экономики топливом и сырьем, его интересам отвечало бы развитие ЕАЭС по сценарию «Фрагментарный» или «Базовый».

В целом же, и китайский мегапроект, и российская идея БЕАП нацелены на создание единого экономического пространства на евразийском материке. Но движение к этой цели может идти разными путями. Помимо «Шелкового пути», построенного на реализации совместных проектов или координации национальных проектов, двигаться к этой цели можно путем активизации экономического сотрудничества в рамках ШОС и развития упоминавшегося выше трансрегионального сотрудничества ЕАЭС по модели «интеграция интеграций». Однако при любом варианте главной предпосылкой успешной реализации идеи БЕАП является укрепление экономической и социальной связанности стран ЕАЭС.

Вместе с тем развитие ЕАЭС по направлениям, содержащимся в Декларации и Докладе ЕЭК, может столкнуться с серьезными трудностями, связанными, с одной стороны, с дальнейшим ухудшением геополитической обстановки в мире, усилением протекционистских практик, разворачиванием «торговых и санкционных войн», нарастанием евроскептицизма, а с другой – противодействием «интеграционному рывку» со стороны национальных бюрократий, не заинтересованных в реализации наднациональных функций ЕЭК, не говоря уже об их усилении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “Connecting Europe and Asia – Building blocks for an EU Strategy”*. Brussels, 19.9.2018, 13 p. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/50708/connecting-europe-and-asia-building-blocks-eu-strategy_en (дата обращения 12.05.2019).
2. Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. 2017. *Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений*. Научный доклад. М.: Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева, 2017, 63 с.
3. *ЕЭК. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года*. 2015. М.: ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Documents%2005.05.2016%29.pdf (дата обращения 15.05.2019).
4. Коршунов Д.А. (ред.). 2018. *Национальные валюты во взаимных расчетах в рамках ЕАЭС: препятствия и перспективы*. Доклад №48. СПб.: ЕАБР. Центр интеграционных исследований.

5. *World Bank. Open data. 1960-2017.* URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD?locale=ru&locations=> (дата обращения 15.05.2019).
6. *ЕЭК. Статистика ЕАЭС. Статистика внешней и взаимной торговли. Январь–декабрь 2018 г. и прошлые периоды.* URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/Pages/default.aspx (дата обращения 18.05.2019).
7. *World Trade Statistical Review 2018.* 2018. Geneva: WTO.
8. Зевин Л.З. 2009. *Постсоветское пространство: региональная составляющая экономического роста.* Научный доклад. М.: ИЭ РАН.
9. Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Шурубович А.В. 2016. Сотрудничество России и стран СНГ в контексте модернизации национальных экономик. – *Белорусский экономический журнал*, № 4, с.4-16.
10. Едовина Т. 2019. Барьеры поддаются счету, но не устранению. – *Коммерсантъ*, 23.04.
11. Иноземцев В. 2019. Что не так с евразийской интеграцией. – *РБК*, 13.02.
12. Винокуров Е.Ю. (ред.). 2017. *Евразийский экономический союз.* СПб: ЕАБР. Центр интеграционных исследований.
13. Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе. 2017. – *Статистический бюллетень. ЕЭК.* 2018.
14. Шурубович А.В. 2018. Инновационное сотрудничество стран ЕАЭС. – *Россия и новые государства Евразии*, № 1(38), с. 50-67.
15. Цухло С.В. 2016. Проблемы и успехи импортозамещения в российской промышленности. – *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 4, с.147-158.
16. *Коммерсантъ*, 30.11.2018.
17. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. 2018. *Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России.* Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 65 с.
18. *Содружество Независимых Государств в 2017 году. Статистический ежегодник.* 2018. М.: МГСК СНГ, 617 с.
19. Спартак А.Н. 2018. *Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России.* М.: ВАВТ МЭР РФ, 456 с.
20. *ЕЭК. Статистика. Труд и заработная плата.* URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/dynamic.aspx (дата обращения 18.05.2019).
21. *Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза.* Санкт-Петербург, 06.12.2018.

URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018 (дата обращения 20.05.2019).

22. *ЕЭК. Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза. 2018 год.* 2018. М.: ЕЭК, 154 с.

URL:

<http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%20Доклад%20о%20реализации%20основных%20направлений%20интеграции%20-2018.pdf> (дата обращения 20.05.2019).

23. Вардомский Л.Б. 2018. Евразийская интеграция и транзит. – *Белорусский экономический журнал*, №3, с.33-50.

24. *Президент ОТЛК ЕРА выступил на итоговом заседании технико-экономического совета Белорусской железной дороги.* 06.02.2019.

URL: <https://utlc.com/news/prezident-otlk-era-vystupil-na-itogovom-zasedanii/> (дата обращения 20.05.2019).

25. ЕАЭС переходит на проектный формат реализации цифровой повестки. – *ЕЭК*, 01.02.2019. URL:

<http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/01-02-2019.aspx> (дата обращения 21.05.2019).

26. Краснушкина Н. 2019. Поперед батьки в цифру. – *Коммерсантъ*, 04.02.

27. Лисоволик Я.Д. 2017. Евразийский экономический союз и АСЕАН: оценка взаимодополняемости. – *Международные процессы*, т.15, № 3, с. 46-54

28. Чжао Лэй. 2019. Новое измерение «Пояса и пути»: анализ доклада о работе правительства. – *Китай*, № 4 (162), с.29-30.